

ОБРАЗ ОГНЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА СЕЛЬКУПОВ

Выявляются и описываются сакральная и обыденная составляющие образа огня в языковой картине мира селькупов. В мифопоэтическом сознании огонь наделяется функцией соединения Верхнего, Среднего и Нижнего миров. На особый статус огня в селькупской культуре указывает большое количество запретов и правил, нарушение которых чревато серьезными последствиями не только для одного человека, но и для целого рода. В селькупском языке лексема *tü* 'огонь' относится к числу одушевленных имен существительных, а сам огонь воспринимается селькупцами как живое существо. В фольклорных произведениях и селькупской мифологии огонь персонифицируется в образе Хозяйки огня (*tün amba*).

Ключевые слова: селькупский язык, картина мира, огонь, образ, персонификация, связь миров.

В последние годы в лингвистике активно разрабатывается антропологическое направление, центральным объектом изучения которого является парадигма человек – язык и связанная с этой парадигмой проблема языковой картины мира: каким видит окружающий мир человек и как он отражает этот мир в языке [1, 2].

Во многих культурах огонь уподобляется живому существу, поскольку «питается» тем, что ему «преподнесли» (сжигает топливо). Отсюда возникают метафоры «огонь пожирает», «огонь поглощает» и т. п.

Огонь считался живым посредником между миром людей и миром богов – существом, доставляющим богам приношения людей, которые чаще всего совершались именно в огне. На мысль об огне как о посреднике между небом и землей наводили в первую очередь языки пламени, стремящиеся вверх, и дым, поднимающийся в небеса.

В древнеисландских мифах о происхождении Вселенной повествуется о двух первоначальных стихиях – воды и огня, представленных двумя мирами: Нифльхейм и Муспелльхейм. Нифльхейм ассоциируется с влагой и темнотой, Муспелльхейм воплощает стихию огня с его неизменными составляющими – жаром и светом.

«Приручение» огня стало для человечества настоящим прорывом, однако огонь, как и другие природные стихии, невозможно подчинить до конца. Огонь всегда несет в себе опасность для людей. Неудивительно, что огонь в качестве объекта исследования привлекает к себе внимание специалистов разных отраслей научного знания, включая и лингвистов. Сам характер природной стихии приводит к неоднозначным ее толкованиям. Без огня невозможно представить жизнь селькупов, однако огонь, выйдя из-под контроля, способен нанести значительный ущерб человеку и окружающей его природе, кроме того, огонь наделяется большим количеством мифологических, сакральных смыслов, активно включается в обряды.

В народных представлениях селькупов огонь как один из первоэлементов мироздания всегда на-

делялся особыми качествами, становясь не просто явлением, а символом.

Селькупы воспринимают огонь как живое существо, у которого есть глаза – искры – *tüssaj* (*tü* 'огонь', *saj* 'глаз'). Огонь ассоциируется с женским образом: в селькупском фольклоре огонь персонифицируется в образе Хозяйки огня (*tün amba*).

Как и любое живое существо, огонь рождается, живет и умирает. Моментом рождения огня можно считать момент его разжигания – *innä cotyqo* 'разжечь' (ср.: *cotyqo* 'зажечь'), *innä coryqo* 'разгореться' (ср.: *coryqo* 'гореть'). У преверба *innä* (в функции наречия оно означает 'вверх') выделимо, с одной стороны, значение усилительной частицы при глаголах, обозначающих движение вверх, с другой стороны, способность образовывать сочетания со значением действия, направленного на создание или возникновение кого-либо или чего-либо [3, с. 311; 4, с. 30].

Для поддержания жизни огню требуется пища – дрова (*tij apsot*), а сам процесс горения можно рассматривать как непрерывающееся пиршество огня: *tü aβēšpigu* 'гореть', букв. *tü* 'огонь', *aβēšpigu* 'кушать' [4, с. 245].

Жизненный цикл завершает «смерть» огня – угасание: *illä qaptežegu* 'угаснуть'. Преверб *illä* (в качестве наречия оно означает 'вниз') в сочетании с рядом глаголов придает глаголу значение действия, направленного на устранение, физическую ликвидацию кого-либо или чего-либо [3, с. 311; 4, с. 28].

Таким образом, пара антонимичных превербов описывает начало и окончание жизненного цикла огня. Интересным является тот факт, что данные превербы описывают и состояние человека: *illä tēqo* 'похоронить' (*tēqo* 'делать'), *innä tēqo* 'оживить'.

Восприятие огня как одушевленного существа находит свое отражение и в сочетаемости лексем *tü* 'огонь' с одушевленно-маркированными глаголами: Вольд. *pollaga čagibil pollagap tü amgut* 'сухая палочка горит' (букв. сухую палочку огонь ест); Ласк. *mat porjom tü aβēšpat* 'моя рубашка го-

рит' (букв. мою рубашку огонь ест); Нельм. *po tii ambad* 'дерево горит' (букв. дерево огонь ест); Вольд. *tii hāifatpa* 'огонь рассердился' [5, с. 11]

А. В. Байдак, исследуя категорию одушевленности (неодушевленности), приходит к выводу о том, что возможность замены имени существительного на личные местоимения первого, второго и третьего лица единственного числа, а также на вопросительное местоимение *kudā* 'кто' является показателем одушевленности. Предмет, обозначаемый данным именем существительным, воспринимается представителями селькупского этноса как живой [5, с. 11].

К одушевленным именам существительным в селькупском языке может быть отнесена и лексема *tii* 'огонь'. Имя существительное *tii* 'огонь' заменяется в фольклорном тексте личным местоимением второго лица единственного числа. Данный факт является свидетельством того, что существительное *tii* 'огонь' является одушевленным и обозначает предмет, осмысливаемый селькупами как живой: *mat šinde pohe aβdīmbak* 'я тебя (огонь) дровами кормлю' [5, с. 12].

В модели мироздания селькупов одной из ключевых является архетипическая идея связи сакрального мира (мира духов) и мира обыденного (мира людей).

Известны различные способы реализации этой связи. Среди них наиболее известными являются дерево, пронизывающее миры, дым от огня (часто погребальный или жертвенный костер), поднимающийся вверх, река, текущая в подземный мир, гора, достающая до небес.

Огонь в мифопоэтическом сознании селькупов выступает в роли медиатора между Верхним, Средним и Нижним мирами. Для поддержания баланса между миром людей и духов была выработана система правил, норм поведения, а также система табу и запретов в отношении огня.

Наиболее важные из правил и запретов, связанных с огненной стихией, находят свое отражение в селькупском фольклоре. *Tii čabamba, ambaut mīyānit čēnča – tii igi fēd'imbad, tii amba mīyānit najballa, mī tedomipabildā* [6, с. 329]. 'Огонь горит, мать нам говорит: «В огонь не плюйте, Хозяйка огня на нас обидится, наши вещи сожжет»'. Данный пример наглядно демонстрирует, что любое нарушение или недолжное исполнение принятых в селькупской культуре правил приведет к гневу со стороны Хозяйки огня и проявлению разрушающей силы огненной стихии.

Ped'ā tii igi pačalešpad, tii ačad, nādirad! 'Топором огонь не рубите, огонь берегите, любите' [6, с. 330]. Данный запрет объясняется возможностью причинения вреда Хозяйке огня и неотвратимостью наказания с ее стороны. Ср.: *Tii amba čēnča – tat*

tii amba čādāle. Tab mat βandom ped'ā pad'assit [6, с. 330]. 'Хозяйка огня говорит: «Ты огонь не разведешь. Она мое лицо топором рубила»'.

На особый статус огня указывает существование большого количества запретов и правил: нельзя осквернять огонь, бить его железом, кидать в него мусор, заливать его водой, огонь нужно кормить, угощать его тем, что человек ест сам [6, с. 289].

Огонь – неотъемлемая часть жизни, утрата огня олицетворяет скорый конец, смерть не только отдельного человека, но и целого рода. Для того чтобы вновь обрести огонь, необходимо принести жертву. Сюжет «добывания» огня, сопряженный с человеческим жертвоприношением, находит свое отражение в селькупском фольклоре. *Kundā mā-dīrba paja – mīyānit tii mejāš!* 'Долго просила женщина: «Дай нам огонь»'. *Tabin tii amba ēžalba – man našaqqit tii tiiyāndā mellebe, kužaqin na nelqur imdi mēkka melde. Mat tabit sād'e undā tii mēllage* [6, с. 330]. 'Ей Хозяйка огня ответила: «Я тогда огонь дам, когда эта женщина сына мне даст. Я из его сердца огонь дам»'.

Огонь обладает живительной силой, способностью воскрешать мертвых. В сказке «Как рябчик человеком стал» '*Pēge qut tarēdiq azimba*' сын отправляет своего отца сватать за него одну из дочерей царя. Дважды отец получает отказ, а царь велит его «на куски изрубить, в сани положить и домой отправить». Для спасения своего отца рябчик использует золу. *Tab awegind edžalgwa: "Šiβp pallel čannend! Šiβt pārond pallel βad'ip lagalap!" Na id βad'ip n'aldenit tablandiše, azit enne βaša aj qumle azimba* [7, с. 45]. 'Он сказал своей матери «Положи золу в корыто! На золу положи куски мяса!» Этот сын мясо потоптал ногами, отец встал и человеком стал'.

В мифопоэтическом сознании селькупов огонь символизировал связь с предками. Огонь стремились подкармливать постоянно. Он был тесно связан с умершими, и, таким образом, кормили и умерших предков. Однако и в конце XX в. огонь использовался на различных стадиях погребального обряда тазовско-туруханских селькупов. Пока покойник находился в доме, в печи обязательно поддерживался огонь. Костер разводился на кладбище во время похорон и в дни поминовения умершего [8, с. 62].

Символизм огня как элемента, связующего миры, подтверждают данные проведенного А. В. Байдак ассоциативного эксперимента: на стимул «огонь» была получена 41 реакция «жизнь», что свидетельствует о связи огня и Верхнего мира в мифопоэтическом сознании селькупов. Однако полученные экспериментальным путем данные демонстрируют связь огня и Нижнего мира – мира мертвых: на стимул «смерть» было получено

шесть реакций «огонь», на стимул «огонь» было получено шесть реакций «смерть» [9, с. 229–231].

Определенным поведением, свистом, шипением, потрескиванием, т. е. «речью», огонь предупреждает о каких-то надвигающихся событиях: *šunjuŋuqo* ‘шипеть (о сырых дровах в печи)’. Он выступает в роли связующего звена между двумя мирами – невидимым и видимым.

В селькупской мифологии огонь наделяется способностью говорить птичьими голосами, ср.: *šicylŋuqo* ‘пищать, чирикать (птичкам), потрескивать (огню)’.

Анализируя употребление лексемы *tī* в диалектах селькупского языка, приходим к выводу о том, что данная лексема отображает сакральное и профанное восприятие огня в селькупской культуре. Однако провести четкое разграничение между профанным и сакральным восприятием огня довольно сложно.

В диалектах селькупского языка имеется большое количество глаголов со значением «зажечь»: *ačaltiqo*, *čōtīqo*, *purčigu*, *pardz’igu*, *porčigu* и другие [4]. Существование большого количества глаголов, имеющих общий семантический компонент, который может быть выражен глаголом «зажечь», подчеркивает, с одной стороны, значимость огня в жизни селькупского этноса, с другой стороны, свидетельствует о существовании разных типов огня и дифференциации функций, которые выполнял каждый из них.

Огонь выступает в качестве фокусной точки – ориентира в окружающем пространстве. Данная функция огня прослеживается в семантике антонимических наречий *konnä* и *karrä*. Наречие *konnä* описывает направление от водного пространства к земному пространству: из воды к берегу; вверх на берег, на гору, вверх. На основе расположения дома относительно реки у данного наречия позднее появились следующие значения: вглубь помещения (чума, дома), не на виду (*konnä omtyltuqo* – ‘посадить вглубь чума’); с очага, с огня» (таз. *konnä iqo* снять ‘с огня’) [3, с. 272].

Наречие *karrä* указывает направление от берега к водному пространству; от возвышенного места к

низкому; из леса к опушке, к населенному пункту; от жилой площади к очагу: тур. *tīmtī m’älä tū čoatīlīmīt meči lipi karre čattīlīmīt* ‘здесь, пожалуй, огонь разведем [мы], кусок мяса в огонь бросим’ [4, с. 38].

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод о разграничении огня-пламени и огня-дыма: *šunjuŋuqo* ‘пахнуть горелым, гарью’, *purquŋuqo* ‘пахнуть дымом’ от *purqu* ‘дым’, ср.: *kašku* ‘дым’ – *kaškoldz’igu* ‘коптить’. *Nom tjaran*: “*Kaingo nušanparīm kaškol’d’imbal, kaingo sim kaškuze apstikugal?*” ‘Бог сказал: «Зачем ты небо коптил? Зачем ты меня дымом кормил?»’ [4, с. 76].

Взаимосвязь огня и неба находит свое отражение не только в фольклорных сюжетах, ср.: *nūtū* ‘молния’ (букв. небесный огонь, Бога огонь).

Профанный образ огня связан с домашним очагом, костром. Огонь помогает людям вести традиционный образ жизни, связанный с рыболовством, охотой, ведением домашнего хозяйства. Огонь входит в число фокусных точек – ориентиров для селькупов в окружающем пространстве.

Сакральный образ огня объективируется в селькупской мифологии и фольклорных произведениях посредством персонификации огня в образе Хозяйки огня, а также в представлениях селькупов об огне как об элементе, связующем Верхний, Средний и Нижний миры. Следует подчеркнуть, что связь между мирами далеко не односторонняя. Языки пламени поднимаются вверх, на небо, туда же устремляется дым, в то время как с неба на землю направляется небесный огонь-молния.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 15-34-01226 а2 «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия».

Список сокращений

Вольд. – Вольджа, Ласк. – Ласкино, Нельм. – Нельмач, таз. – тазовский диалект селькупского языка, тур. – туруханский говор тазовского диалекта.

Список литературы

1. Полякова Н. В. «Особые места» в картине мира селькупского этноса // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2012. Вып. 10 (125). С. 85–88.
2. Полякова Н. В. Концептуализация атмосферных осадков в селькупском языке в сопоставлении с русским // Томский журн. лингвист. и антропол. исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2013. Вып. 2 (2). С. 69–74.
3. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во МГУ, 1980. Т. 1. 408 с.
4. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. проф. В. В. Быкони. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2005. 348 с.
5. Байдак А. В. Средства выражения категории одушевленности/неодушевленности в селькупском языке // Вестн. Томского гос. ун-та. 2010. № 338. С. 7–12.
6. Мифология селькупов / научн. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2004. 382 с.

7. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык / записи, пер., коммент. В. В. Быкони, А. А. Ким и др. Томск: Изд-во НТЛ, 1996. 187 с.
8. Шаргородский Л. Т. Селькупы. Современные этнические процессы у селькупов. М.: Наука, 1994. 186 с.
9. Байдак А. В. Экспериментальные методы исследования концептов «жизнь» и «смерть» // Известия Томского политехн. ун-та. 2010. Т. 316, № 6. С. 228–232.

Полякова Н. В., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.
E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 21.03.2016.

N. V. Polyakova

FIGURE OF FIRE IN THE WORLDVIEW OF SELKUPS

Sacral and ordinary components of fire in the linguistic worldview of Selkups are specified and described. In mythoepic perception fire connects the Upper, Middle and Lower worlds. Important status of fire is represented by big amount of restrictions and rules which violation is followed by negative consequences not only for one person but for the whole generation. In Selkup lexical unit *tī* 'fire' relates to animate nouns, and fire itself is perceived by Selkup as a living organism. As any other living organisms, fire is born, lives and dies. As a moment of birth of fire shall be considered a moment of its kindling – *innā cotyqo* 'to kindle'. To support its life fire needs a feed – wood (*tīj apso*). The process of burning is to be considered as a continuous repast of fire: *tī awēšpigu* 'to burn', literally *tī* 'fire', *awēšpigu* 'to eat'. Life cycle is finished by "death" of fire – extinction: *illā qaptežegu* 'to extinct'. Fire is given with vivific power and ability to wake the dead. In folk literature and Selkup mythology fire is personified with the figure of Lady of fire (*tīn amba*).

Key words: *Selkup language, language worldview, fire, figure, personification, connection of worlds.*

References

1. Polyakova N. V. "Osobyje mesta" v kartine mira sel'kupskogo etnosa ["Sacred places" in the worldview of the Selkups]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2012, vol. 10 (125), pp. 85–88 (in Russian).
2. Polyakova N. V. Kontseptualizatsiya atmosferykh osadkov v sel'kupskom yazyke v sopostavlenii s russkim [The conceptualization of the atmospheric precipitation on the Selkup language in comparison with the Russian language]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, vol. 2 (2), pp. 69–74 (in Russian).
3. Kuznetsova A. I., Helimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskiy dialekt* [Essays about the Selkup language. Tazovsky dialect]. Moscow, MGU Publ., 1980. Vol. 1. 408 p. (in Russian).
4. *Sel'kupsko-russkiy dialektnyy slovar'* [Selkup and Russian dialect dictionary]. Pod red. prof. V. V. Bykoni [Under the editorship of professor V. V. Bykoni]. Tomsk, TSPU Publ., 2005. 348 p. (in Russian).
5. Baydak A. V. Sredstva vyrazheniya kategorii odushevlenosti/neodushevlenosti v sel'kupskom yazyke [Methods of expression of animate/inanimate categories in the Selkup language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – TSU Bulletin*, 2010, no. 338, pp. 7–12 (in Russian).
6. *Mifologiya sel'kupov* [Selkup mythology]. Scientific editor V. V. Napol'skiy. Tomsk, TGU Publ., 2004. 382 p. (in Russian).
7. *Skazki narymskikh sel'kupov: kniga dlya chteniya na sel'kupskom yazyke s perevodami na russkiy yazyk* [Fairy tales of selkup natives of the Narymsk region: book for reading in the Selkup language with the Russian translation]. Zapisi, per., komment. V. V. Bykoni, A. A. Kim i dr. [Records, translation, comments of V. V. Bykoni, A. A. Kim etc.]. Tomsk, NTL Publ., 1996. 187 p. (in Russian).
8. Shargorodskiy L. T. *Sel'kupy. Sovremennye etnicheskiye protsessy u sel'kupov* [Selkups. Modern ethnic processes of Selkups]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 186 p. (in Russian).
9. Baydak A. V. Eksperimental'nye metody issledovaniya kontseptov "zhizn'" i "smert'" [Experimental methods of studying of concepts "Life" and "Death"]. *Izvestiya Tomskogo politehnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*, 2010, vol. 316, no. 6, pp. 228–232 (in Russian).

Polyakova N. V.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: nvp@tspu.edu.ru, nataliapoliakova@yahoo.com